

Андрей Шляхов

**ДОКТОР ДАНИЛОВ
В КРЫМУ:
ВОЗВРАЩЕНИЕ**

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Ш82

Шляхов Андрей.

Ш82 Доктор Данилов в Крыму: возвращение / Андрей Шляхов. — Москва: Издательство АСТ, 2016. — 320 с. — (Честные рассказы врачей).

ISBN 978-5-17-100413-2

Приключения неугомонного доктора Данилова продолжают! Теперь он — в Крыму! Где же еще быть настоящему патриоту своего Отечества? После нескольких лет спокойной работы на кафедре анестезиологии и реаниматологии жизнь начала казаться доктору Данилову скучной. Он с радостью принял предложение возглавить станцию «Скорой помощи» города Севастополя. Данилова не отпугнуло то, что за неполный год на этом посту сменилось три человека. Приехав в Севастополь, Данилов с энтузиазмом принялся за дело и сразу же стал поперек горла местной медицинской мафии. Руководство департамента здравоохранения идет на любые ухищрения, лишь бы избавиться от Данилова.

Но Данилов кругом прав, и потому его невозможно победить.

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Подписано в печать 13.09.16 г. Формат 84×108 1/32.

Усл. п. л. 16,80. Тираж 2500 экз. Заказ №

Общероссийский классификатор продукции
ОК-005-93, том 2; 953000 — книги, брошюры

ISBN 978-5-17-100413-2.

© ООО «Издательство АСТ», 2016

И глупо звать его
«Красная Ницца»,
и скушно
звать
«Всесоюзная здравница».

НАШЕМУ
КРЫМУ
с чем сравниться?

Не с чем
НАШЕМУ
КРЫМУ
сравниваться!

Владимир Маяковский. «Крым».

От автора

Все имена, конечно же, вымышлены, все совпадения, конечно же, случайны, но в остальном все — чистая незамутненная правда, основанная, как и все прочие книги о докторе Данилове, на реальных событиях.

Глава первая

ЗАСРАНЦУС ВЕРУС

— Значит, утром вы, Артур Евгеньевич, позавтракали кебабом и овощами, а в обед ели мороженое и пили квас?

— Да, доктор, — подтвердил пациент, страдальчески морщась и оглаживая себя по животу левой рукой. — Утром — кебаб, в обед мороженое и квас. В жару больше ничего есть не хотелось.

— И все члены семьи ели то же самое?

Члены семьи, сидевшие на другой кровати, — пышнотелая, кустодиевских форм блондинка и две худенькие девочки лет десяти-одиннадцати — дружно закивали.

— Я еще сок пила, апельсиновый, — доложила младшая из девочек, — а Анька — газировку!

— Ш-ш! — одернула ее мать. — Не мешай!

По профессиональному тону, которым были сказаны эти слова, Данилов без труда распознал в пышнотелой блондинке педагога. Мать одергивала расшалившегося Вову точно так же — негромко, но веско.

— И, кроме вас, никто не заболел?

Нехитрый *anamnesis morbi*,* внятно изложенный пациентом, впечатался в память Данилова сразу же.

* *Anamnesis morbi* — анамнез болезни.

Уточнять не было никакой необходимости. Что тут уточнять? Рвота, диарея, слабость, болезненность в околопупочной области... Классическая пищевая токсикоинфекция. Грузи — и вези в инфекционную больницу. На самом деле Данилов тянул время. Хотелось обдумать все еще раз. Мутный какой-то попался пациент.

Отравился, а цвет лица свежий, розовый. Два дня как приехал, загореть еще не успел. Жалуется на рвоту с поносом, а язык чистый, влажный, здоровый, можно сказать, язык. И живот тоже производит впечатление здорового. При пальпации живота Артур Евгеньевич ойкает и морщится, но с небольшим секундным опозданием. Так обычно ведут себя симулянты.

— Никто, слава Богу, — пациент покосился на жену, словно желая убедиться в том, что она здорова.

— А судороги в ногах были?

— Вы уже спрашивали про судороги, доктор, — мягко укорил Артур Евгеньевич. — Пока не было.

На слове «пока» он сделал ударение, тоже прозвучавшее как упрек. Не тяни резину, доктор. Госпитализируй меня скорее.

— Везите его в больницу, — громко прошипел из-за приоткрытой двери женский голос. — Пока он тут всех своей холерой не перезаразил.

Домовладелицу, высокую старуху с недовольным выражением на костлявом лице, Данилов выставил за дверь еще до начала осмотра. Сдача койки еще не повод вторгаться в чужую приватность. Та громко потопала ногами в узком коридорчике, но, как

оказалось, никуда не ушла, а осталась подслушивать под дверью.

— Если холера, то всех проживающих госпитализируем на карантин, а дом будем обрабатывать, — сказала в пространство фельдшер Лариса, стоявшая за спиной у Данилова. — Так что успел заразить или нет, значения не имеет.

Домовладелица громко ойкнула, захлопнула дверь и утопала прочь. На этот раз вроде бы ушла на самом деле, потому что спустя несколько секунд послышался лязг уличной двери. Данилов на входе удивился тому, что фанерную пристройку к дому снабдили массивной железной дверью. Хотели таким образом придать основательности хлипкому строению? Или просто ненужная дверь в сарае завалилась? В коротком коридоре додумать эту мысль Данилов не успел. А теперь и вовсе забыл о двери, потому что пациент подкинул куда более интересную загадку.

Чего ради он симулирует? В том, что перед ним симулянт, у Данилова почти не было сомнений. Почти, потому что назвать человека симулянтом окончательно и бесповоротно может только патологоанатом. На памяти Данилова «симулянты» не раз оказывались серьезно больными. Чем лучше изучают человеческий организм, тем больше в нем находится загадок. Но Артур Евгеньевич явно был здоров и явно хотел госпитализироваться в инфекционную больницу. Для того и «скорую» вызвал. Зачем? Зачем москвичу, недавно приехавшему в Севастополь на отдых, может понадобиться госпитализация, да еще и в такое место, как инфекцион-

ная больница? Люди симулируют, чтобы попасть в больницу, по трем причинам. Первую можно отметить сразу же, потому что сорокалетний Артур Евгеньевич давно вышел из призывного возраста. Да и не косят в инфекционных больницах от призыва. Какая там может быть отсрочка? Разве что на месяц. Не стоит овчинка выделки, то есть мучений. В инфекционных больницах не только лежать тяжело, но и лечиться. Специфическое место.

Причина вторая — госпитализацией люди пытаются оправдать свое отсутствие где-то. На работе, на суде и так далее. Но отдыхающему это вряд ли надо. Впрочем, может, он успел сегодня с кем-то подраться? Нанес оппоненту тяжкие телесные повреждения и теперь пытается лечь в больницу? А что ему это даст? Если будет надо, то арестуют больного, то есть — симулирующего. Дело недолгое. Впрочем, Артур Евгеньевич может этого не знать.

— Следите за кончиком моего пальца, — Данилов поводит перед лицом симулянта оттопыренным указательным пальцем. — Так-так, Артур Евгеньевич... Что-то не нравятся мне ваши зрачки. Может, у вас рвота от сотрясения головного мозга? Вы, случайно, головой не ударялись сегодня или вчера? Не падали? Не дрались?

— Что вы, доктор! — вмешалась жена симулянта. — Артурик вообще не драчун, к тому же мы все время вместе. Не дрался он ни с кем и не падал.

— Рвота от сотрясения мозга быть может, а понос — вряд ли, — «уел» Данилова Артур Евгеньевич.

— Да, вы правы, коллега.

Слово «коллега» вырвалось у Данилова машинально, но Артур Евгеньевич принял его за издевку.

— Я не врач, а директор автосервиса, — пробурчал он и снова поморщился. — Опять живот начинает крутить. Успеть бы до больницы доехать.

Третью причину — госпитализацию с целью шантажа близких родственников — Данилов рассматривать не стал. Артур Евгеньевич не производил впечатления истерика, да и атмосфера в комнате была ненапряженной. Недавние конфликты Данилов, что называется, носом чуял — опыт. Супруга Артура Евгеньевича выглядела озабоченной, а дочери оживленно шушукались, то и дело косясь на монументальную Ларису, в руках у которой оранжевый скоропомощной ящик казался игрушечным.

Бригаденфельдшера и бригаденштурмана, то есть — водителя, Данилов выбрал себе сам. Должны же быть у начальника станции, совмещающего на полставки выездного врача, какие-то привилегии. Тем более — на бригаде интенсивной терапии. Требования к сотрудникам бригады у Данилова были простые. Первое — спокойный характер, потому что работать с истериками он не любил. Да и кто любит? Второе — чтобы были местные, знающие город и его «специфику». Третье — чтобы были физически крепкими и таскали носилки играючи. Крепче всех в бригаде была Лариса, неофициальный чемпиона севастопольской скорой помощи по армрестлингу. Как среди женщин, так

и среди мужчин. С Ларисой обычно мерились силой мужики. Из новичков, подначенные старожилками — а ну-ка, сможешь ли ты «положить» нашу Дюймовочку? Припечатывая к столу очередную руку, Лариса говорила одно и то же: «Квельый нынче мужик пошел, замуж выйти не за кого». Согласно станционной легенде, Лариса собиралась выйти замуж за того, кто ее победит. Водитель Юрий Палыч тоже был чемпионом, но всего Севастополя, по боксу, в полутяжелом весе, но бывшим. Как сам шутил: «еще советского разлива». Короче говоря, для неместного доктора с посттравматической энцефалопатией и протезом в левом коленном суставе команда подобралась самая что ни на есть подходящая.

— Собирайтесь, поедем в больницу, — сказал Данилов и позвонил на Центр.

Место можно было бы и не запрашивать. И без того известно, куда везти — на Коммунистическую, в восьмую инфекционную. Других инфекционных стационаров для гражданских лиц в Севастополе нет. Но Данилов, как начальник станции, считал своим долгом подавать подчиненным правильный пример и потому дотошно соблюдал все формальности. Положение обязывает. Временами сам себе удивлялся — неужели это я? — и вспоминал слова жены: «Станешь начальником, поймешь как надо работать». Стал. Понял. То и дело тянуло обратно, но отступать было нельзя.

— Что собрать?! — заволновалась жена симулянта, зависнув над выдвинутым из-под кровати и раскрытым чемоданом. — Тапочки, маечки...

— Пока ничего, — сказала Лариса, у которой Артур Евгеньевич тоже вызвал подозрения, — пускай едет как есть. Если госпитализируют, привезете что надо.

— Нет уж! — решительно заявил супруге Артур Евгеньевич, переводя свое страдающее тело из лежачего положения в сидячее. — Нечего тебе с девчонками по больницам бегать. Собери все сразу. И бритву не забудь положить. А я схожу в кабинет на дорожку.

— Только быстро! — предупредила Лариса. — Не тяните.

— Запорами не страдаю, — огрызнулся Артур Евгеньевич и ушел.

Когда он вернулся, у Данилова окончательно исчезли сомнения в том, что перед ним симулянт. От Артура Евгеньевича пахло табаком, а даже самый отчаянный курильщик при отравлении делает паузу. И без того крутит-мутит, а от сигареты так совсем душу наизнанку вывернет. Рвота у него с поносом, как бы не так.

Выездной врач Данилов вступил в очередной конфликт с начальником станции Даниловым. На каждом дежурстве это случалось раз по десять, и начальник станции всегда побеждал. Выездному врачу хотелось отказать Артуру Евгеньевичу в госпитализации и авторитетно доказать ему, что он симулирует. Если вывести во двор, подальше от женских и детских ушей, то... Впрочем, нет, не годится. Слышимость везде замечательная. Фанера не поглощает звуки, она их проводит. «Я тебе выведу! — одернул выездного врача начальник стан-

ции. — Если этому... кхм... человеку приспичило госпитализироваться в инфекцию, он будет вызывать повторно. При «повторе» его придется госпитализировать в обязательном порядке. На то есть приказ. Диагноз, который он на себя так старательно натягивает, на догоспитальном этапе снять невозможно. Только в стационаре, причем комиссионно — при совместном осмотре врача и заведующего отделением. Ты уже потратил на этот вызов сорок минут. До «восьмерки» ехать минут пятнадцать да пять минут на сдачу пациента в приемном, итого двадцать. Столько же уйдет на разборки. Времени ты не выиграешь, но если оставишь его дома, то другая бригада потеряет как минимум час. Так что бери его и вези, Владимир Александрович! В приемном можешь попросить, чтобы его положили в самую плохую палату на самую дрянную койку, это я тебе разрешаю. Не мшения ради, а чтобы поскорее одумался и перестал симулировать. Обстановка, она способствует правильному ходу мыслей».

До приемного отделения дело не дошло. Вообще до больницы не доехали. На Вакуленчука лежащий на носилках Артур Евгеньевич посмотрел на сидевшего у него в головах Данилова своими ясными голубыми глазами и сказал:

— Знаете, доктор, мне стало лучше и я передумал госпитализироваться. Остановите, пожалуйста, машину, я выйду. Обрато меня везти не надо.

— А никто и не собирается! — фыркнула Лариса, сидевшая рядом с водителем. — Палыч, притормози-ка!

Слух у Ларисы был удивительно чутким. На шумной улице во время движения машины с переднего места она слышала все, что говорили в салоне. Даже шепотом.

— Распишитесь здесь! — Данилов быстро черкнул в карте вызова «отказ от госпитализации».

Когда Артур Евгеньевич уже вышел из машины, Данилов не выдержал и спросил:

— Можно узнать, зачем был вам нужен весь этот сыр-бор? Неужели для того, чтобы забесплатно доехать до торгового центра? Я же видел, что вы симулируете...

— Симулировал! — кивнул Артур Евгеньевич и широко ухмыльнулся. — Могу сказать зачем, только с условием, что все останется между нами.

— ...! — вырвалось у Данилова нехорошее слово. — Как же я раньше не догадался! Вам было надо слинять от жены и детей под благовидным «железным» предлогом, верно?

Артур Евгеньевич снова кивнул. Ухмылка его стала еще шире.

— А отравление вы выбрали потому, что в инфекционном стационаре нет посещений.

— Все верно, — подтвердил Артур Евгеньевич и заговорщицки подмигнул Данилову. — Вы же видели, доктор, мою корову. Одно название, что женщина. Расплылась, не следит за собой совсем. А на пляже я сегодня с такой штучкой познакомился, — симулянт закатил глаза и восторженно поцоккал языком. — И что самое главное — сразу же обо всем договорились. Вот уж и пришлось вас побеспокоить, извините. Это вам за беспокойство.

Артур Евгеньевич достал из кармана модных, концептуально драных джинсовых шортов пятисотрублевую купюру и протянул ее Данилову.

«Заткнись! — грубо велел выездному доктору начальник станции. — Я сам скажу, что надо».

— Когда-нибудь вам всерьез понадобится скорая помощь, — начал Данилов, стараясь говорить как можно спокойнее. — Но она опоздает..

— Почему? — удивленно спросил симулянт.

Удивление, однако, не помешало ему сунуть пятисотенную обратно в карман.

— По закону высшей справедливости, — ответил Данилов. — И в последнюю минуту вашей жизни вы вспомните сегодняшний случай. Непременно вспомните. И все поймете. Последняя минута — она такая. Все вспомните и все поймете. Кстати, мне кажется, что умирать вы будете в одиночестве. Женщины недолго живут с мужчинами, которые считают их «коровами».

— Креститься надо, если кажется! — Симулянт вложил всю обиду в громкий хлопок дверью.

— Бабушке своей так хлопни! — возмутился Юрий Палыч.

— Поехали! — скомандовал Данилов, доставая из кармана куртки телефон.

— Ой! — Лариса подскочила на переднем сиденье, заставив заколыхаться всю машину. — Владсаньч, миленький, можно пока вы отзваниваться будете, я до палаточки сбегая за булочкой. С голоду подыхаю, аж сил никаких нет!

Ларисина страсть к диминутивам поначалу раздражала не любившего сюсюканья Данилова. Но очень скоро он привык и даже нашел в этой привыч-

ке, поначалу казавшейся ему скверной, определенную пользу. Уменьшительные формы помогали Ларисе налаживать контакт с пациентами, смягчали устрашающее впечатление, производимое ее монументально-брутальной внешностью. Лариса даже ругалась «диминутивно» — какашечка, паразитик, дятлик...

Не дождавшись разрешающего даниловского кивка, Лариса быстро выскочила, можно сказать что выпорхнула, из машины и исчезла из поля зрения. Вернулась спустя две минуты — Данилов только записал новый вызов, даже ручку в карман сунуть не успел — запыхавшаяся, но довольная.

— А где булочка? — поинтересовался Юрий Палыч, трогая с места.

— Булочка? — переспросила Лариса. — Ах, булочка! Не было моих любимых улиточек с маком, вот незадача. Зря только пробежала.

— Я тебе куплю, пока вы на вызове будете, — пообещал добрый водитель. — Там как раз в соседнем доме магазин.

— Да не беспокойся, Юрочка, — отмахнулась Лариса. — Мне уже расхотелось. Меньше съешь — дольше проживешь.

— Я надеюсь, что на Центре сейчас не пишут уличный вызов на Вакуленчука, — сказал Данилов, будто бы думая вслух. — Мужчина, сорок, сотрясение головного мозга, множественные переломы...

— Скажете тоже! — обернулась Лариса. — Охота мне из-за такой г..няшечки фельдшером на зоне работать! Я его словом полечила. В рамках мировой женской солидарности! А то — корова! Сам, можно подумать, Аполлон Полведерский!